

*Из письма полномочного представителя СССР во Франции
Я. З. Сурица народному комиссару иностранных дел СССР
М. М. Литвинову о позиции Франции и Англии в отношении
Чехословакии*

Париж

27 июля 1938 г.

...Несколько по-иному обстоит дело с Чехословакией. Эта проблема вызывает к себе прежде всего гораздо меньше страстей, чем испанская. Линия расхождения по этому вопросу не совпадает полностью с линией расхождения по испанскому и не носит такого ярко выраженного классового характера. Как общее правило, друзья Испании являются одновременно и друзьями Чехословакии, но нельзя сказать, чтобы все враги республиканской Испании находились и в лагере противников Чехословакии. Многие, которые открыто ратуют за Франко, одновременно выступают и в защиту Чехословакии. Объясняется это, конечно, тем, что в Чехословакии они не усматривают своего «классового» врага. Бенеша все же трудно причислить к адептам третьего Интернационала. Несколько стесняет и наличность договорных обязательств, которые и правые не считают для себя удобным опорочить. Но вместе с тем, не подлежит сомнению, что и по чехословацкому вопросу главное направление нажима со стороны правых совпадает с лондонскими «пожеланиями» и определяет зигзагообразный и колеблющийся характер линии поведения теперешнего кабинета.

В гораздо большей степени, чем испанская, чехословацкая проблема в глазах французов является неотъемлемой частью общеевропейской проблемы и, в частности, важнейшей для Франции проблемы ее взаимоотношений с Германией. Французские политические деятели прекрасно понимают, что в Чехословакии решаются сейчас судьбы послеверсальского передела мира. Они отдают себе отчет, что отпадение к Германии Судетской области и расчленение Чехословакии обеспечат за Германией захват решающих стратегических позиций при будущей войне и гегемонное положение во всей Центральной Европе. На этот счет расхождений здесь нет. Но расхождения начинаются с момента, когда ставятся практические вопросы о том, как и какими средствами отбиться от этой угрозы. Огромное большинство французов сходится на том, что теперешняя Франция при ее уровне вооружений и промышленности, с ее низким потенциалом населения уже не способна выдержать единоборства с гитлеровской Германией и не сможет сама, без помощи со стороны, помешать движению германской лавины на Чехословакию. Отсюда и поиски союзников, и здесь-то и источник всех расхождений.

Нормальная и простая логика как будто подсказывает (на такой точке зрения и стоят «советофилы» от коммунистов до Рейно¹⁾), что таким естественным союзником является в первую очередь СССР. СССР, говорил Рейно, «располагает тем, чего нет у Англии и что особенно понадобится при войне с Германией,— мощной сухопутной армией». СССР, по признанию самого генштаба, обладает одной из самых сильных, если не самой сильной авиацией в мире. И тем не менее — и это факт бесспорный — теперешнее правительство меньше всего свою чехословацкую политику строит в расчете на помощь СССР. Ни одно решение, которое до сих пор принималось по чехословацкому вопросу (будь то в Лондоне² или Париже³⁾), ни разу с нами предварительно не обсуждалось и не

согласовывалось и доводилось до нашего сведения (и то не всегда) лишь постфактум. Несмотря на наличие советско-французского пакта, на наличие параллельных пактов с Чехословакией, взаимно между собой связанных и друг друга дополняющих, руководители французской внешней политики ни разу по-серьезному (если не считать обрывочных разговоров Бонне) не предложили приступить к совместному и практическому обсуждению вопроса, вытекающего из наших пактов.

Упреки наших друзей (которые предпринимаются, конечно, без всякого воздействия с нашей стороны) Даладье обычно отводит аргументами самого разнообразного характера, применительно к собеседнику и в зависимости от того, к какому лагерю последний принадлежит. Если упреки исходят от коммунистов, то Даладье имеет смелость заявить, что помощь со стороны СССР настолько бесспорна, что дипломатия здесь вообще нечего делать. «Нам незачем стучаться и в без того открытую дверь». По совершенно иному и гораздо более правдиво он свою тактику игнорирования СССР (он это, впрочем, отрицает, а говорит обычно об «осторожности») излагает заседающим на него членам его собственного кабинета. В центре всех его объяснений неизменно первое место почти всегда занимает Англия. Англичане не возражают против пакта с СССР⁴, никогда не предпринимали попыток его торпедировать («да и он, Даладье, это и не позволил бы»), но они неоднократно высказывали предположение, что афиширование пакта может затруднить их мирную акцию и т. д. ...

Бесспорно, однако, одно. Сейчас Даладье как с единственно реальным союзником считается только с одной Англией. Он исходит из того, что Англия близка, под рукой, что она до сих пор пользуется ореолом сильнейшей страны в мире, обладает несметными ресурсами, а главное, внушает немцам уважение и страх. Такая оценка, впрочем, разделяется огромным большинством французских государственных деятелей, и недаром сотрудничество с Англией является наиболее стабильным и наиболее устойчивым элементом во всей системе французской внешней политики последнего времени. Сменявшие друг друга кабинеты в центре своей внешней политики неизменно ставили сотрудничество с Англией. Блюм приписывает себе заслугу первородства этой дружбы. Даладье — что ему удалось эту дружбу еще более укрепить и придать ей характер военного сотрудничества.

Второй своей заслугой Даладье считал (не знаю, считает ли и сейчас), что он «отвоевал Англию для Чехословакии». Так он и Бонне, по крайней мере, изображали результаты своего лондонского визита⁵. Они оба говорили, что лондонские апрельские решения кладут конец спекуляциям Берлина «незаинтересованностью» Англии в Чехословакии. В лондонском соглашении и в предусмотренной им процедуре они главный акцент ставили на тех заявлениях, которые англичане собираются сделать в Берлине, и намеренно обходили (багателизировали) предстоящие совместные демарши в Праге. Я далек от того, чтобы совершенно отрицать значение английских демаршей в Берлине. Для меня нет сомнения, что наряду с мобилизацией чешской армии (что сыграло, конечно, главную роль), наряду с учетом союзных договоров, имеющих у Чехословакии, отрезвляющее воздействие на немцев в майские дни, несомненно, сыграли и английские представления и англо-французское сотрудничество⁶.

Но уже вскоре стали все явственнее и явственнее выступать отрицательные для чехов стороны этого сотрудничества. Англия включилась в

«общий фронт», несомненно, для того, чтобы помешать войне между Германией и Чехословакией. Здесь она была вполне искренней, но Англия меньше всего была расположена не только воевать за Чехословакию (такого «расположения» нет и у Франции), но и бороться против требований, предъявляемых судетами * к чехам. Весь тактический план англичан и был построен на том, чтобы добиться у Праги мирным путем того, чего Гитлер добивается силой. Англичане полностью разделяли взгляд немцев на Чехословакию, как на «искусственное новообразование», сложившееся в послеверсальский период при совершенно иной расстановке сил, рассматривали судетов не как «меньшинство», а как отдельную нацию, искусственно вкрапленную в чужое государство. Неудивительно поэтому, что и англичане не признавали достаточными те уступки, на которые все время соглашался Бенеш, и толкали его (в несколько завуалированной, правда, форме) к предоставлению судетам политической автономии. Так далеко французы не могли, не порвав со своими собственными интересами, следовать за англичанами. И они добивались от Бенеша крайних уступок, но все же боялись переступить границу, которая отделяет уступки от полной капитуляции.

На этой почве и начались июньские разногласия между французами и англичанами, нашедшие свое отражение в переписке между Чемберленом и Даладье ⁷. От немцев, конечно, все это не укрылось, и тогда-то, вероятно, и оживились и «путчистские» настроения, разжигавшиеся экстремистами типа Гимmlера, к которым по всем данным примкнул и Геринг. Наряду с отчаянной свистопляской в печати против чехов предприняты были и подозрительные мероприятия на границе. Не исключено, что все это проделывалось намеренно, чтобы увеличить панику в Париже и усилить давление на него и Прагу со стороны Лондона.

В пользу второго предположения говорит и то паломничество, которое было предпринято немцами и судетами в Лондон, где искусно прививалась мысль, что вину за неурегулированность и затягивание кризиса несут чехи, и где требования судетов намеренно притушевывались и подносились английской общественностью в значительно смягченном виде. К моменту приезда в Париж Галифакса ⁸ основные черты нового англо-французского компромисса по чехословацкому вопросу уже были намечены. Было уже решено вновь и торжественно подтвердить, что апрельское соглашение остается в силе. Это позволило Даладье выступить со своей известной декларацией ⁹. Уже в этой декларации отразились и заигрывания, которые начались с Берлином (пассаж о миролюбии Гитлера). Но только в Париже при последних переговорах с Галифаксом с особой отчетливостью и яркостью выступили контуры всего нового английского плана и корни, тянущиеся от него к Берлину. Если подытожить результаты парижских разговоров по этому вопросу, то они могут быть сведены к следующим положениям:

1. Галифакс обязался повторить свой «нажим» на Берлин.
2. Галифакс настоял, чтобы Прага воздержалась от проведения через парламент статута о немецких меньшинствах до тех пор, пока не будет достигнуто соглашение с генлейновцами.
3. Чтобы «облегчить» это соглашение, Галифакс навязал Праге «советчика» и арбитра в лице Ренсимена ¹⁰.
4. Галифакс обещал никаких шагов без предварительного и взаимного соглашения с Парижем не предпринимать.

* Так в тексте. Имеются в виду представители Судетонемецкой партии Генлейна.

5. На случай неудачи соглашения между Прагой и гейнленовцами Галифакс держит про запас свой план «нейтрализации»¹¹.

Сопоставляя все эти решения с проникшими сведениями о визите Видемана к Галифаксу¹² и последующим свиданием Дирксена с Чемберленом¹³, не трудно установить, что все парижские решения прошли под знаком удовлетворения желаний Берлина. Совет Праге не вносить статута национальностей в парламент до тех пор, пока не будет достигнуто соглашение, равносильный приказу во что бы то ни стало и любой ценой договориться с судетами, был прямо подсказан Видеманом. Нет никакого сомнения, что и посылка англичанами посредника явилась результатом такой же договоренности с Берлином...

Я. Суриц

Публикуется по АВП СССР.

Опубликовано в сб.: «Документы внешней политики СССР», т. XXI, с. 395—400.

¹ П. Рейно — в 1938 г. министр юстиции и министр финансов Франции.

² См. прим. 8 к док. 273.

³ См. док. 309.

⁴ Это утверждение не соответствует действительности. Так, 14 июля 1938 г. германский посол в Лондоне Г. Дирксен сообщал в Берлин, что отношение английского правительства к франко-советскому пакту теперь «более критическое, чем раньше... Англичане дали ясно понять французам, сколь желательно будет исходить из общего положения в Европе постепенно ослабить связи Франции с Россией. Эта тенденция усилилась во время чешского кризиса». Дирксен сообщал также о желании англичан «отстранить Советскую Россию от всякого участия в обсуждении вопроса о европейском урегулировании» («Documents on German Foreign Policy. 1918—1945», ser. D, vol. II, p. 436).

⁵ Имеются в виду англо-французские переговоры в Лондоне 28—29 апреля 1938 г. (см. прим. 8 к док. 273).

⁶ 21 мая германскому правительству было передано английское заявление, в котором говорилось, что в случае конфликта Чехословакия с Германией Франция будет обязана вмешаться и тогда Англия «не может гарантировать, что обстоятельства не вынудят ее тоже вмешаться. Эта мысль совершенно ясно выражена в речи премьер-министра в палате общин 24 марта с. г.» («Documents on British Foreign Policy. 1919—1939», ser. III, vol. I, p. 331—332).

После этого демарша, по сведениям чехословацкой миссии в Лондоне, Галифакс обратился к лорду Лотьяну с просьбой довести по неофициальным каналам до сведения Гитлера, что «Англия не будет вооруженной рукой защищать Чехословакию» (АВП СССР). См. также прим. 5 к док. 305.

⁷ См.: «Известия», 1938, 17, 18 июля.

⁸ См. док. 309, а также: «Известия», 1938, 20—24 июля.

⁹ Э. Даладьё заявил 12 июля 1938 г., что союзные обязательства Франции по отношению к Чехословакии являются «прочными и священными». Одновременно он подчеркнул заинтересованность Франции в «мирном разрешении» чехословацкого вопроса («Documents of International Affairs 1938», vol. I. London, 1942, p. 216). Но уже 17 июля 1938 г. французское правительство выступило с заявлением, в котором под предлогом необходимости урегулирования «спора с меньшинствами» потребовало фактического принятия всех требований Генлейна. В заявлении отмечалось, что если Чехословакия не имеет намерения идти на эти уступки, то Франция вынуждена будет пересмотреть свою политику по отношению к Чехословакии.

¹⁰ См. док. 310.

¹¹ См. прим. 3 к док. 298.

¹² См. док. 309.

¹³ Беседа между Н. Чемберленом и германским послом в Лондоне Г. Дирксеном состоялась 22 июля 1938 г. Н. Чемберлен заявил, что английское правительство готовит планы, которые удовлетворят Германию в случае безуспешных переговоров чехословацкого правительства с Судетонемецкой партией о Статуе национальных меньшинств (см.: «Известия», 1938, 23 июля).